

УДК 94(574)+930 (092)

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ЭЛИТА КАЗАХСКОГО СОЦИУМА XVII–XIX вв. В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ИРИНЫ ЕРОФЕЕВОЙ

Жанат Бековна Кундакбаева

доктор исторических наук, профессор

Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

E-mail: janbekkun@mail.ru

Айгуль Асхаткызы Нуратай

магистрант

Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

E-mail: aigulnuratay@gmail.com

А н н о т а ц и я

В данной статье личность и творчество казахстанского ученого Ирины Викторовны Ерофеевой, недавно ушедшей от нас, рассматривается как самостоятельный объект научной коммеморации. Круг ее интересов был довольно широк, а научное наследие поистине уникальное. В нашем исследовании предметом историографического анализа стали в основном работы И.Ерофеевой, касающиеся наследственной привилегированной элиты кочевого общества казахов в процессе колониального подчинения Российской империи, шедшего на протяжении довольно длительного исторического времени. В них ученый ясно и четко поставила вопрос о стратегиях поведения национальной наследственной элиты казахов в этот непростой для народа исторический период. И.Ерофеева представила не только полновесную картину ликвидации в Казахстане института ханской власти, но и того, как Российская империя в процессе колониального подчинения обошлась со «старым степным институтом, сословием традиционной знати – торе или султан». Именно И. Ерофеевой принадлежит постановка вопроса о мобилизующей роли традиционной правящей элиты казахов в противодействии царизму. Российская империя в конечном итоге, по словам ученой, добилась важной цели, поставленной перед началом колониального подчинения казахской степи – преломила господствовавшую в течение многих веков в сознании казахов непререкаемую привилегированность султанского сословия. Большое значение для изучения социальной стратификации казахского общества имперского периода имеют «четкие типовые критерии при определении статусной идентификации казахских правителей», разработанные И. Ерофеевой.

В целом, проведенный анализ исследований ученого в выбранном нами аспекте изучения ее работ определенно показал: Ирина Ерофеева навсегда вошла в мировую науку своим выдающимся вкладом в изучение истории казахского народа в момент колониального подчинения России, в особенности его наследственной аристократии.

Ключевые слова

Российская империя, колониальное подчинение, казахская наследственная элита, маркеры социальной стратификации казахского социума, ханская власть, биографии и эпистолярное наследие казахских ханов, ханская сфрагистика, генеалогия казахской правящей элиты.

UDC 94(574)+930 (092)

THE HEREDITARY ELITE OF THE KAZAKH SOCIETY OF THE XVII–XIX CENTURIES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF IRINA YEROFEYEVA

Kundakbayeva Zhanat Bekovna

Doctor of Historical Sciences,

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: janbekkun@mail.ru

Nuratay Aigul Askhatkyzy

master's student

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: aigulnuratay@gmail.com

Annotation

The personality and creativity of the Kazakh scientist Irina Viktorovna Yerofeyeva, who recently left us, is considered in this article as an independent object of scientific commemoration. Her range of interests was quite wide, and her scientific heritage was truly unique. In our study, the subject of historiographic analysis was mainly the works of I. Yerofeyeva concerning the hereditary privileged elite of the nomadic society of the Kazakhs in the process of colonial subordination of the Russian Empire, which went on for quite a long historical time. The scientist clearly and precisely raised the question of the strategies of behavior of the national hereditary elite of the Kazakhs in this difficult historical period. I. Yerofeyeva not only presented a full-fledged picture of the elimination of the institution of khan power in Kazakhstan, but also showed how the Russian empire dealt with the “old steppe institution, the estate of the traditional nobility – *töre* or *sultan*” in the process of colonial subordination. It was I. Yerofeyeva who raised the question of the mobilizing role of the traditional ruling elite of the Kazakhs in opposing tsarism. According to the scientist, the Russian Empire eventually achieved an important goal set before the beginning of the colonial subordination of the Kazakh steppe. It broke the indisputable privilege of the *sultan's* estate that had prevailed for many centuries in the minds of the Kazakhs. “Clear standard criteria for determining the status identification of Kazakh rulers” developed by I. Yerofeyeva are of great importance for the study of the social stratification of the Kazakh society of the imperial period. In general, the analysis of the scientist's research in the chosen aspect of studying her works definitely showed that Irina Yerofeyeva has forever entered the world science with her outstanding contribution to the study of the history of the Kazakh people at the time of the colonial subordination of Russia, especially its hereditary aristocracy.

Key words

Russian Empire, colonial subordination, Kazakh hereditary elite, markers of social stratification of Kazakh society, Khan's power, biographies and epistolary heritage of Kazakh khans, Khan's sphragistics, genealogy of the Kazakh ruling elite.

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2020 года казахстанская наука понесла невосполнимую утрату – ушла из жизни Ирина Ерофеева, талантливый ученый, оставивший яркий след в мировой науке и внесший значительную лепту в изучении истории казахского народа, в частности, политической культуры казахов в период колониального подчинения России. В условиях становления нового дисциплинарного опыта в постсоветском Казахстане нельзя переоценить место этого крупного ученого в мировой науке и ее научную деятельность. С трудами И. Ерофеевой знакомы не только специалисты в области имперской истории, но и все ученые, которые занимаются Казахстаном, Средней Азией и степными народами России. А. Моррисон, профессор Оксфордского университета, автор фундаментальной монографии по истории завоевания Центральной Азии, а также глубоких исследований «административной и политической истории российского колониализма» опубликовал некролог в ведущем издании – *Central Asian Survey* (Morrison, 2021). Американский профессор в проникновенных словах прощания с Ириной Викторовной Ерофеевой отдал дань искреннего уважения и признательности талантливому казахстанскому ученому, дал краткую и емкую характеристику ее работ и отметил значительный вклад одаренного историка в академическую науку республики и мировую историографию.

Предметом исследования в настоящей статье являются работы И. Ерофеевой, в основном посвященные изучению наследственной элиты казахского кочевого социума в период колониального подчинения казахов Российской империей. Цель: путем герменевтического прочтения ее работ представить многомерную картину трансформации казахского кочевого социума после прихода на их земли Российской империи. Опора на научное наследие Ирины Викторовны, вне сомнения, поможет ее единомышленникам и продолжателям решить новые исследовательские задачи в познании феномена степной цивилизации, изучении казахской национальной элиты и в целом степного народа, а также истории казахско-русских отношений. И нам ее коллегам, последователям и ученикам крайне интересно и познавательно узнать историю Казахстана и России XVIII–XIX вв. из работ именно этого блистательного ученого, как говорится, из первых уст, чтобы самим уверенно двигаться дальше в исследовательском поиске. И еще: в данной статье нам представляется крайне важным определить место Ирины Ерофеевой в научном пространстве Казахстана и мировой историографии и закрепить, что также немаловажно для нас, память об этом замечательном ученом и удивительном человеке.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основными материалами и источниками для данной статьи стали работы И. Ерофеевой, посвященные периоду колониального подчинения казахов Российской империи и изучению наследственной элиты казахского кочевого социума. Методологической основой нашего исследования являются принципы историзма и объективности, системный подход, ретроспективный и перспективный анализ. Их применение позволило охарактеризовать научные поиски и достижения ученого в получении исторических знаний о Казахской степи в рассматриваемый период

времени, представлении целостной картины развития казахского социума и наследственной национальной элиты в эпоху колониального подчинения казахов Российской империи. Комплексное изучение научного наследия И. Ерофеевой помогло нам в раскрытии во всем многообразии, насколько это возможно, ее яркой, творческой индивидуальности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде всего, предваряя наш разговор о творческом наследии И. Ерофеевой, хотелось бы сказать о недостаточной изученности ее научной биографии, об отсутствии специальных исследований о работах этого, несомненно, выдающегося ученого. Тем не менее, значительный вклад исследователя в мировую историографию подчеркивался многими историками: мы уже упоминали американского профессора Оксфордского университета А. Моррисона. По словам другого известного ученого, профессора университета Висконсин-Мадисон, доктора исторических наук Анатолия Хазанова, ее научная деятельность в постсоветский период «способствовала становлению исторической науки суверенного Казахстана ... Ирина была одним из лучших в мире специалистов по истории Казахстана XVIII–XIX веков, несмотря на то, что все ее работы опубликованы по-русски, не самом распространенном языке в научном мире, они хорошо знакомы и часто цитируются специалистами в самых различных странах от Японии до Америки».

Памяти И.В. Ерофеевой написана статья казахстанского ученого Каната Уксенбая. Как отметил К. Уксенбай, предметом ее исследований является история казахской элиты XVIII–XIX вв., политическая и военная история, источники и историография Нового времени. В своей статье автор, в частности, подробно остановился на работах И. Ерофеевой, посвященных жизни и деятельности казахских ханов и султанов. Дал краткий анализ и научную оценку многим ее трудам: фундаментальному двухтомному труду «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.»; монографиям, посвященным историческим персонажам – казахскому хану Абулхаиру, Жанибек-батыру и другим работам, где исследовались родословные казахских ханов, символы казахской государственности, казахско-джунгарские войны, Аныракайская битва.

Ирина Викторовна, неистовая в науке, всегда была рада встрече и творческому общению с такими же, как она, одержимыми исследователями. Выступая с докладом на Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России в г. Элисте, Ирина Викторовна с восхищением говорила о работах такого же превосходного знатока того периода истории, которым вплотную занималась она сама, калмыцкого ученого В. П. Санчирова. Доктор исторических наук Е. Н. Бадмаева вспоминает: «Надо было видеть лица этих двух одержимых в науке людей, неподдельно радовавшихся состоявшейся встречей на научном симпозиуме и чрезвычайно довольных от творческого общения друг с другом. После конференции они долго говорили, в основном на научные темы, каждый делился своим видением изучаемой ими исторической эпохи, высказывал собственные суждения, оценки событиям и определенным историческим деятелям. Сколько было у них обоих научных планов, как жаль, что им уже не суждено сбыться, так как два этих талантливых ученых ушли из жизни.

К слову сказать, калмыцкий ученый, уже после конференции, в разговоре с нами – своими коллегами – весьма высоко отозвался о научных работах Ирины Викторовны, именовал ее не иначе, как «неистовый рыцарь науки».

Ирина Викторовна как-то по-матерински тепло и особо трепетно относилась к талантливой молодой поросли ученых, в частности, из числа калмыцких ученых, всячески поддерживала их. По словам доктора исторических наук Леонида Боброва из Новосибирска, «наверное, как никто другой, она сделала очень многое, чтобы преодолеть историческое отчуждение, например, между казаками и ойратами. Помню, как на очередную конференцию она пригласила Владимира Тепкеева – нашего коллегу из Калмыкии. И Ирина Викторовна очень опекала его и всем говорила: «Вот он, настоящий ойрат, наследник ойратской славы!».

И такие примеры, характеризующие с самых разных и лучших сторон научные и личные качества Ирины Викторовны, могут привести многие ее коллеги по профессиональному цеху.

Среди богатого интеллектуального наследия И. Ерофеевой особо выделяется проведенное ею всестороннее исследование наследственной аристократии казахского общества во времена колониального подчинения Россией Казахстана в XVIII – XIX вв., отличающееся глубиной проникновения в изучаемую проблему, точными обобщениями и выводами. Общая концепция о характере русско-казахских отношений в указанный период, предложенная Ириной Викторовной и ее коллегами, хотя и лишена оценочных моментов, тем не менее, по большому счету, говорит о том, как произошло колониальное подчинение Казахстана Россией. В процессе изучения указанного периода Ирина Викторовна затронула в своих исследованиях отдельные проблемы непростых казахско–русских отношений, а именно: в чем заключались интересы Российского государства и степной аристократии? Какие новые смыслы привнесло российское колониальное подчинение в социальную структуру казахов?

Большое научное значение имеют выводы И. Ерофеевой о том, что вплоть до последней трети XIX в. Россия была весьма ограничена в своих попытках навязать свою волю казахской степи. Ее вывод об абсолютной несовместимости политических норм кочевников с российскими нормами и о разном понимании, что такое суверенитет у степных правителей и российских властей, является существенным вкладом в изучение намерений казахской элиты, которая обратилась с просьбой о подданстве России. И. Ерофеева в процессе исследования углубленно коснулась того, какие черты носила ханская власть до прихода Российской империи. Кто управлял казахским социумом в этот период? Как Российская империя обошлась, устанавливая свое господство над территориями казахов, с традиционными степными институтами: ханской властью, привилегированными сословиями казахского общества? Исследуя, в частности, привилегированную национальную элиту, И. Ерофеева написала в биографическом жанре ряд интересных и глубоких работ, вызвавших широкий научный интерес. Это и монографии разного жанра – от биографической книги об Абулхаир-хане или о генеалогии казахских ханов, биографических очерков казахских чингизидов до работ источниковедческого характера, в том числе по эпистолярному наследию казахской правящей верхушки и ханской сфрагистики. В процессе подчинения казахов Россия установила практически

полный контроль над «степными социально-политическими структурами» и в особенности над институтом ханской власти. Это был относительно долгий по времени и сложный по характеру процесс.

Российская империя, не имея достаточных ресурсов и не обладая полномочным знанием о характере власти ханов над степным населением, шла постепенно к полной отмене института ханской власти. Лишь в 1822 г. указом Александра I был ликвидирован институт хана в Среднем Жузе, в 1824 г. отменена ханская власть в Младшем Жузе, а в 1845 г. – в Букеевской Орде. И. Ерофеева писала: «Отмена института ханской власти, а вместе с ней и преимущественного права ханов осуществлять внеэкономическое регулирование социальной жизни казахов-кочевников, по сути дела, означала централизованное присвоение самодержавием права верховной поземельной собственности на территорию Казахстана» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 179). Вначале Российская империя получила право просто утверждать казахских ханов, потом назначать их, затем, разжигая междоусобицу между претендентами на ханский трон, «искусственно умножила количество ханов». Преследуя свои цели, Россия стала сажать на трон «самых послушных, но малоавторитетных и недееспособных султанов» и отстранять от власти «излишне самостоятельных и потенциально независимых ханов». В конечном итоге «в результате этой целенаправленной политики в конце второго десятилетия XIX в. были созданы все необходимые условия для ликвидации института ханской власти и глубоких социально-политических преобразований» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 175).

Неотъемлемой частью данной концепции является не только процесс ликвидации ханской власти у казахов, но и то, как Российская империя в процессе колониального подчинения обошлась с традиционными социальными институтами казахского общества (султаны, старшины, бии) путем создания аппарата внеэкономического принуждения (регулярные войска, казаки и административный аппарат) (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 190). Российская империя к концу 60-х годов XIX в. полностью отменяет «сословные привилегии всей элиты белой кости» и «генеалогической системы доминирования», но делает это без резких шагов, не применяя силовые методы. В 20-40 гг. XIX в. имперская власть проводит «политику правовой и административной поддержки сословного престижа и имиджа казахских султанов». Далее она усиленно проводит политику «постепенного приспособления традиционной правящей элиты кочевников к вводимым инновациям и инкорпорацию ее наиболее перспективных представителей в сословно-бюрократическую систему Российской империи». С этой целью создаются органы среднего уровня, которые стали называться «старший султан», «султан-правитель». И. Ерофеева пишет: «В этот период основной акцент в политической деятельности высших российских должностных лиц был перенесен в сословия торе или султанов, на тех представителей «белой кости», которые, по их мнению, «наиболее перспективны», «влиятельны» и «хотели бы быть полезными России»... проявляли стремление «верно служить» интересам российского престола и неуклонно проводить цели имперской политики в жизнь». Именно из числа таковых подбираются и назначаются представители султанского сословия в органы исполнительной власти на местах. Те из султанов, кто был, по мнению имперской власти, нелоялен к России, законодательно лишались права на политическую власть (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 180).

Ирина Викторовна определила новые смыслы, которые привнесла Россия в социальные отношения казахов, и показала, каким образом они поменялись в казахской степи. Теперь место человека определяется не его происхождением, а верностью империи, заслугами перед Россией. При этом, как отмечают авторы, Россия искусно сочетает политику дискриминации отдельных султанов, стравливания их друг с другом с политикой материального (освобождение от налогов) и морального (медали, поездки во двор, присвоение звания майор, Табель о рангах) стимулирования, «венцом которой стала возможность для султанов стать дворянами, с правом на частное наследственное землевладение» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 181-184).

Как видим из исследований Ирины Викторовны и совместных ее с другими авторами работ, Россия в результате проводимой целенаправленной и изоцированной политики смогла расколоть «господствующий слой традиционного кочевого общества» и привлечь отдельных ее представителей на службу империи. Заслуга И. Ерофеевой еще и в том, что она ясно и четко поставила вопрос о стратегиях поведения наследственной аристократии казахов в результате колониального подчинения России. Одни султаны стали «государственными служащими колониального аппарата, на базе которых происходило постепенное формирование бюрократической прослойки местных управленцев» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 182). Другая же часть султанского сословия стала во главе противников России. Именно И. Ерофеевой принадлежит постановка вопроса о мобилизующей роли традиционной правящей элиты казахов в противодействии царизму. Она доказательно показала, что российское правительство, увидев многолетнюю оппозиционность, мобилизующий потенциал, влияние, ресурсы, которыми обладают противники его власти, отказалось от правовой и административной поддержки сословного престижа и имиджа казахских султанов, особенно после восстания Кенесары Касымова. В противовес оппозиционной национальной элите, чтобы ущемить ее привилегии, российская власть допустила избрание на должность старшего султана не только лиц султанского происхождения. Это было официально узаконено 23 февраля 1855 г. положением Сибирского комитета «О порядке избрания по Сибирской степи в старшие султаны». Более того, с конца 60-х гг., как мы сказали выше, происходит полная отмена сословных привилегий всей элиты «белой кости» и генеалогической системы доминирования. Тем самым и таким образом Российская империя добилась своей цели – преломила господствовавшую в течение многих веков в сознании казахов непререкаемую привилегированность султанского сословия и предложенными новациями по ограничению его наследственных прав укрепила свое влияние в регионе.

В своем некрологе А. Моррисон особо подчеркнул, что И. Ерофеева в исследованиях обращала пристальное внимание на взаимоотношения казахских чингизидов с российской элитой в XVII–XIX вв. Она внимательно изучила сложившийся расклад среди казахской правящей элиты – чингизидов – после прихода Российской империи в казахскую степь. В предшествующей историографии исследователи показали политическое и статусно-правовое положение казахских чингизидов. И. Ерофеева, продолжая изыскания по данному вопросу, досконально исследовала социальные и культурные аспекты жизни аристократического сословия казахов, его роль и место в общественной жизни в имперский период.

Современная наука не стоит на месте, она стремительно развивается. Сегодня изучение истории характеризуется появлением новых исследовательских дисциплин, опирающихся на старые методологические подходы, в частности, вновь актуальным стал материалистический подход. Потому, видимо, не случайно, И. Ерофеева стала пристально изучать предметно-вещевой мир казахских чингизидов, символику повседневной жизни, что дало ей возможность представить маркеры социальных статусов/социальной стратификации казахского социума (Ерофеева, Усманова, 2014: 643-669).

Для изучения социальной стратификации казахского общества имперского периода большое значение имеют разработанные И. Ерофеевой «четкие типовые критерии при определении статусной идентификации казахских правителей». Так, исследователь определила, что султанами в казахском обществе называли тех чингизидов, «которые возглавляли разные по величине ассоциативные группировки кочевников» (союзы родов, племен, жузов) «и были непосредственно задействованы в структурах политического управления казахским обществом. Все же остальные выходцы из аристократического сословия торе, которые не управляли социальными подразделениями казахского населения и не имели своего собственного пастбищного надела юрта, султанами не назывались и не имели каплевидной печати» (Ерофеева, 2001: 23).

В отношении изучения социальной стратификации национального социума Ирина Викторовна опередила время и открыла дорогу будущим исследователям, дала направление исследовательского поиска. В блестящих работах источниковедческого характера И. Ерофеева показала, как в степном этикете отражались привилегии наследственной аристократии казахов. Она коснулась в своих исследованиях вопроса о почетных титулах, присваиваемых за военные заслуги. Ирина Викторовна определила, что титул бахадур / батыр являлся для казахов почетным званием или эпитетом. «Батыром казахи называли любого храброго и опытного воина» (Ерофеева, 2001: 23). Данным титулом наделяли представителей, как наследственной казахской элиты, так и неаристократического сословия. Но для султанов это звание имело большое значение: при избрании хана крупные боевые подвиги служили своеобразным пропуском в ханы. Получение данного звания, его престиж напрямую зависели от степени военной угрозы казахам со стороны других народов и племен. Исследователь обратила внимание на исчезновение титула «бахадур» в удостоверительных формулах султанов после относительного завершения многочисленных войн казахов с джунгарами.

Особой заслугой И. Ерофеевой является всестороннее изучение верховной власти у казахов. Здесь следует отметить, что исследователь считала, что у казахов существовали достаточно развитые и определенным образом оформленные структуры власти разных вертикальных уровней, унаследованные от тюрков. В то же время она говорит об особенностях верховной власти у казахов: «о дискретном, пульсирующем и обратимом характере централизации властных полномочий на уровне верховной власти» и принципе меритократии и персонифицированном характере всей системы властных отношений у казахов» (Ерофеева, 2001: 35). Исследователь показала, что в основу наследования титула хана были положены два основных принципа: генеалогическая система родства и принцип меритократии (Ерофеева, 2001: 25). Кто из чингизидов мог стать ханом в казахском обществе? Не самый знатный и близкий

человек по происхождению к предыдущему хану, а самые сильные, влиятельные, авторитетные среди кочевников султаны, которые проявили себя в военной и организационно-управленческой сферах и на основе этих личных качеств имели поддержку самых влиятельных родов. Таким образом, она определила принципы передачи верховной власти у казахов – «симбиоз генеалогического и меритократического принципов» и «соответственно отсутствие строго регламентированного порядка наследования политической власти на институциональном уровне» (Ерофеева, 2001: 25).

Другим значительным вкладом в изучение казахской политической культуры эпохи колониального подчинения является династическая генеалогия казахских чингизидов. По словам Б. Сужикова, книга И. В. Ерофеевой «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники)» положила конец путанице в титулатуре, именах и родственных связях казахской правящей элиты периода средневековья: «Несмотря на почти герметическую замкнутость казахской правящей верхушки, превалирующую эндогамию и привнесенную извне систему дележа властных отпращиваний, генеалогия казахских торе, сайидов и кожа, представленная в книге, свидетельствует о высокой внутренней динамике аппарата господства меньшинства... родословные древа... впервые продемонстрированные в композиционном ракурсе и строгой иерархической классификации предоставляют щедрый материал... для исследований в области казахской политической истории. Они дают ключ к пониманию того, как за счет скрытых, на первый взгляд, солидирующих инструментов семейно-клановых связей... правящий класс, унаследовавший стереотипы круговой поруки монгольского имперского истеблишмента, осуществлял управление казахским социумом. Управление имело имманентные формы представительской и исполнительной власти, основанные на принципах степной демократии казакшылык» (Ерофеева, 2003: 4).

И. Ерофеева в своих работах представила тщательно выверенную поколенную летопись семей казахских ханов: Аблая, Абулхаира, Батыра и Барака. Линию казахских ханов XVI–XVII вв. она ведет от девятого сына Жанибек-хана (одного из основоположников Казахского ханства) – Жадик-султана, а после возведения на трон в 1710 г. Абулхаира и Осек-султана от восьмого сына – Жанибек-хана.

Как видим, труды И. Ерофеевой о казахских ханах – конкретных субъектах властных отношений – занимают большое место в изучении ханской власти в Казахстане. Биографические очерки казахских чингизидов, персональный состав правящей казахской элиты, степень генеалогического родства между ними – вот неполный перечень результатов ее исследований. Благодаря И. Ерофеевой сегодня мы имеем галерею казахских ханов разного ранга, их биографии, реконструированные на основе тщательно выверенных источников. К примеру, третья часть книги о символах казахской государственности состоит из ряда кратких очерков о казахских ханах и султанах с семнадцатого по девятнадцатый века (Ерофеева, 2001: 106-114). Несмотря на краткость, очерки о казахских ханах – это результат многолетних изысканий, потребовавший огромных усилий. И. Ерофеева уточнила годы жизни и правления казахских ханов, представила информацию о казахских родах, которыми они управляли, местах кочевания. Так, непреходящую ценность имеет информация

об Абулхаир-хане, «титулованном правителе Младшего Жуза» (Ерофеева, 2001: 107–114); Абулмамбете, хане Среднего Жуза 1739–1771 гг. (Ерофеева, 2001: 115); Нуралы, хане Младшего Жуза 1748–1786 гг. (Ерофеева, 2001: 115–118); Барак-султане, хане группы казахских родов Среднего и Старшего жузов (Ерофеева, 2001: 118–121); Пиралы-хане, 1770–1805 титулованном правителе мангышлакских туркмен и казахов рода адай (Ерофеева, 2001: 121–123); Аблае 1771–1780 гг., хане Среднего и Старшего Жузов (Ерофеева, 2001: 123–128).

Вклад И. Ерофеевой в изучение правящей элиты казахов Б. Сужиков определил, таким образом, выделив суть: это «персонификация людей, наложивших определенный отпечаток своей деятельностью на государственную историю» (Ерофеева, 2003: 3). Можно по праву сказать, что в казахстанской историографии ни по какому периоду нет трудов, равных по уровню книгам Ирины Викторовны. Венцом данного направления в исследовательской деятельности И. Ерофеевой явилась монография об Абалхаир-хане. И. Ерофеева, давая взвешенную оценку Абулхаиру, показывает его как проницательного политического деятеля, одержавшего ряд побед над калмыками (Ерофеева, 2007). Книга вызвала заслуженное внимание специалистов по истории Казахстана колониального периода (Моисеев, 2000) не только своей источниковой базой, панорамным взглядом на жизнь казахского общества и, в частности, правящей верхушки в период джунгарской агрессии, но и принципиальной трактовкой характера русско-казахских отношений в момент обращения Абулхаир-хана к российской императрице с просьбой о подданстве. По словам оксфордского профессора А. Моррисона, И. Ерофеева представила совершенно новый взгляд на характер отношений Абулхаира с Россией (Morrison, 2021). Обращаясь к российской императрице с просьбой о подданстве, Абулхаир рассматривал его как союз, а не подчинение и зависимые отношения. Эту линию в трактовке русско-казахских отношений И. Ерофеева продолжила в последующем, публикуя письма казахских ханов. Она считала, что отношения между правящей элитой казахов и российским государством носили сугубо прагматичный характер. Было ясно, что в той исторической ситуации военная и экономическая мощь от кочевников переходит к оседлым обществам и хозяйствам. Поэтому казахская правящая элита была вынуждена считаться с этим новым геополитическим раскладом и примириться со своими оседлыми соседями – Россией, Китаем, Хивой и Кокандом. Казахская правящая элита не только получала от России подарки, льготы в торговле, но и имела возможность укрепить свою власть над казахским кочевым обществом. И Абулхаир и Аблай использовали эти возможности умело, однако Аблай имел некоторое преимущество – возможность вести переговоры с Цинами, с которыми у него отношения были ближе, чем с Россией.

В преамбуле к двухтомному изданию писем казахских ханов И. Ерофеева подчеркивает, что письма казахских ханов показывают, что Россия была весьма ограничена в своих попытках навязать свою волю казахской степи вплоть до последней трети XIX в.: «Объемная переписка, порожденная этими отношениями, также обнаруживает, как пределы возможностей Российской Империи навязать свою волю степи до третьего десятилетия девятнадцатого века» были абсолютно несовместимы со «степными политическими нормами с преобладающими ограниченными и исключительными идеями суверенитета в Оренбурге, Омске и Санкт-Петербурге».

Корень противоречий видится в разном понимании, что такое суверенитет у степных правителей и российских властей, что вызывало определенные трения между ними. И. Ерофеева опережает время, придя к выводу, что ни концепция колониального угнетения, ни концепция сопротивления не могут охватить всего сложного, многообразного характера русско-казахских отношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

И. Ерофеева оставила после себя превосходные образцы источниковедческих исследований, где речь идет «о главных символах традиционной казахской государственности эпохи ее становления и последующего развития» – прикладных печатях казахских ханов и султанов (Ерофеева, 2001: 9). И. Ерофеева была автором проекта, введения, биографии ханов, научных комментариев, явилась составителем и ответственным редактором сборника документов, который навсегда вошел не только в казахстанскую, но и мировую науку как весьма ценная коллекция документов. А. Моррисон очень высоко оценил двухтомное издание писем казахских ханов: «что за фундаментальный труд – тщательно отредактированный, великолепный и важный ресурс для всех, кто изучает российские степные рубежи конца XVII – начала XIX вв.» (Morrison, 2021). Ее книги снабжены необходимыми пояснениями и научными комментариями. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку сегодня академическое пространство постсоветского периода заполнили издания сборников документов совершенно дилетантского характера, без каких-либо авторских пояснений и научно-справочного аппарата.

И. Ерофеева выявила характерные особенности традиционной сфрагистики казахской правящей элиты – каплевидная форма печати, среднеазиатский (чагатайский) тюрки, вырезанный способ нанесения резьбы на матрицу и арабская графика, черный цвет оттиска рукописного оригинала. В книге опубликованы 31 факсимиле оттисков печатей казахских ханов, из которых 29 принадлежит титулованным особам. Но для того, чтобы опубликовать их, потребовались годы неутомимой работы. И. Ерофеева нашла и проработала четыреста сорок три оригинала писем казахской правящей элиты. В них было выявлено сто восемнадцать печатей двадцати пяти лиц. В книге были изданы только самые четкие образцы. Печати изданы по мировым канонам сфрагистики. В издании печать сопровождает полный текст легенды, полное имя владельца, хронологические рубежи, размер оттиска, количество четких экземпляров оттисков, адресаты и даты заверенных печатью писем, места, где хранятся оригиналы и т.д. (Ерофеева, 2001: 33).

Данная работа важна и с исторической точки зрения, поскольку коснулась целого ряда социокультурных и политических проблем. Прежде всего, это касается проблемы особенностей функционирования ханской власти в кочевом обществе казахов. Книга ценна не только глубоким источниковедческим анализом «казахской чингизидской сфрагистики», но и тем, что в ней показана история «казахской правящей ветви чингизидов». Сведения, которые И. Ерофеева извлекла из лаконичной информации удостоверительных легенд печатей казахских правителей (Ерофеева, 2001: 29), стали важным источником по социально-политической истории Казахстана. Она показывает, как со временем менялась политическая и социокультурная жизнь казахов. Ханская печать была для Российской империи символом легитимности выступать от

имени казахов, для самих ханов – своеобразным удостоверением личности. Обращение к основным символам ханской власти как «института внешнего оформления верховной власти в любом государстве» стало добротной основой для участия И. Ерофеевой в дискуссии о том, была ли государственность у казахов.

Как отмечает сама И. Ерофеева, в сборнике опубликованы триста шестнадцать переводов писем казахских ханов и султанов, а также две с половиной тысячи писем казахских ханов и султанов, из которых одна тысяча семьсот пятьдесят впервые были опубликованы. Письма выявлены в архивах России (АВПРИ, РГАДА, РГИА), Китая, Турции и Узбекистана. Значение данных документов огромно, поскольку ученые всего мира испытывают настоящий голод в документах, которые исходили бы от самих казахов, так как корпус письменных источников представлен в основном только документами, исходившими от России (Ерофеева, 2014).

Для казахстанской науки данный сборник имеет непреходящее значение, поскольку опубликованные в последние годы не имеют научной ценности. Дело в том, что большинство авторов откровенно «пренебрегли общепринятыми в науке правилами издания исторических источников» или вовсе не были знакомы с таковыми. Большое количество изданий обесценено, потому что не содержат никаких материалов научно-справочного характера, факсимиле архивных текстов, научных комментариев, биографий авторов, а также не знакомы с правилами воспроизведения текстов по современным правилам (на основе новейшей грамматики какого-то бы то ни было языка с сохранением стилистических или фонетических особенностей подлинника, не дают имена собственные, специальные термины, этнические и географические названия в транслитерации оригинала). В этом смысле публикация И. Ерофеевой писем казахских ханов является для молодых ученых образцом того, как нужно публиковать исторические источники. Ученого отличает крайняя скрупулезность на всех стадиях публикации исторических документов. Еще в своей ранней работе – публикации путевых заметок, записок, отчетов русских путешественников середины XVIII – первой половины XIX вв., среди которых восемнадцать неопубликованных, рукописных записок путешественников по казахским степям, – И. Ерофеева строго соблюдала археографические правила публикации документов. Труды русских авторов по географии, топонимике и исторической этнографии Казахстана опубликованы по современным правилам грамматики русского языка с сохранением стилистических и фонетических особенностей подлинника. Имена собственные, специальные термины, этнические и географические названия даны в транслитерации оригинала. Примечания авторов текстов помечены звездочками и помещены ниже основного текста, примечания авторов сборника, помеченные арабскими цифрами, приведены в подстрочнике постраничных текстов¹.

¹Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о казахской степи XVIII – середины XIX века: Сб. док и мат-лов / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 758 с.; Ерофеева, И.В. Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII-первой трети XVIII века. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 178 с.; Андреев, И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков И.Г. Андреев, И.В. Ерофеева. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.; Ерофеева, И.В. История Казахстана в западных источниках. Алматы: Санат, 2006. 408 с.; Ерофеева, И.В. Казахстан второй половины XIX – первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. – Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата, 1979. – 28 с.

Таким же образом опубликовано и эпистолярное наследие казахской правящей верхушки. И. Ерофеева является автором великолепного очерка с всеобъемлющей характеристикой видовых особенностей источника, особенностей создания, языка, орудий письма, состава документов (Ерофеева, 2014: 15–77). И. Ерофеева является образцом для подражания и в смысле скрупулезного цитирования всех тех, кто в той или иной мере занимался письмами казахских ханов. Не секрет, что сегодня и в России, и в Казахстане авторы страдают тем, что больше озабочены контролем индекса цитируемости конкурентов, нежели научной добросовестностью. Часто молодые ученые представляют крайне усеченную версию историографии.

Кроме высокопрофессионального источниковедческого очерка огромную ценность имеют приложения и указатели (научно-справочный аппарат). Так, И. Ерофеева представила таблицу «Хивинские ханы из казахской ветви джучидов» (Ерофеева, 2014: 619–621). Данная таблица – плод ее многолетних изысканий. Список казахских ханов, сидевших на троне Хивинского ханства, является огромным вкладом в изучение династии чингизидов, ханских династий в Казахстане и Центральной Азии, сферы действия монгольского права восемнадцатого века.

И. Ерофеева в данном сборнике документов провела кропотливую работу по составлению списка переводчиков у казахских ханов. Данное приложение имеет непреходящее научное значение, поскольку, как известно, казахские ханы писали не сами, а в создании писем использовались писари из татар и башкир (будь то в найме или взятые в плен). И на сегодняшний день дискуссионным является вопрос: можно ли считать авторами писем ханов. Создание сводной таблицы писарей казахских ханов является солидной базой для изучения каждого конкретного случая. От выяснения образовательного уровня, происхождения, степени грамотности писарей зависела и степень их участия в создании письма. Таким образом, с полным основанием можно считать, что издание И. Ерофеевой писем казахской правящей элиты является крупным вкладом в источниковедение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трудах И.В. Ерофеевой представлена полная история «казахской ветви чингизидов». Эта история не только политическая, но и прежде всего социальная и культурная. Это история не только о том, как Российская империя обошлась со «старым степным институтом, сословием традиционной знати – торе или султан» в процессе колониального подчинения, но и история о вещественном мире, которые окружали правящую казахскую элиту и символикe власти и символикe повседневной жизни, маркерах социальной стратификации и социальных статусов. Ей принадлежит заслуга в изучении социальных и культурных аспектов жизни аристократического сословия казахов. Однако объектом исследования И. Ерофеевой был не только правящий слой, но все чингизиды. Ученый определяет два статуса казахских чингизидов эпохи Нового времени. Первая группа султанов, наследственных чингизидов, включала носителей светской власти в казахских жузах. Они были правителями групп родов, племен и племенных союзов и имели свой йурт – собственный пастбищный надел. Вторая группа была представлена просто чингизидами, которые не имели йурта и не управляли социальными подразделениями кочевников.

И. Ерофеева активно участвовала в обсуждении многих дискуссионных вопросов, ставших особенно актуальными в современный период обретения казахским народом государственности. Памятно ее участие в дискуссии, касающейся вопроса о существовании у казахов государственной модели организации социума, отрицании традиций государственной власти у кочевников. Изучая проблемы функционирования ханской власти в казахском кочевом социуме, а также символов верховной власти, И. Ерофеева не отрицает наличия государственности у казахов. Она считала, что у казахов существовали достаточно развитые и определенным образом оформленные структуры власти разных вертикальных уровней, унаследованные от тюрков. В то же время она говорит об особенностях верховной власти у казахов: «о дискретном, пульсирующем и обратимом характере централизации властных полномочий на уровне верховной власти» и принципе меритократии и персонифицированном характере всей системы властных отношений у казахов.

Вторая дискуссия, в которой также активно участвовала Ирина Викторовна, касалась вопроса о характере господства Российской империи над казахской степью. Как подчеркивает профессор Оксфордского университета А. Моррисон, И. Ерофеева никогда не уклонялась от описания характера экспансии российского правления в Центральной Азии как колониальной и отвергала советскую формулу «наименьшее зло». В четырехступенчатой схеме колониального подчинения Россией Казахстана И. Ерофеева и ее коллеги емко и четко показали, как Российская империя на протяжении 1730–1868 гг. постепенно шла к полному подчинению казахских земель власти Российской империи. Со временем ей удалось установить, насколько это возможно, практически полный контроль над «степными социально-политическими структурами» и в особенности над институтом ханской власти. В концепции колониального подчинения Казахстана И. Ерофеева представила полновесную картину ликвидации институтов власти у казахов, введения на их кочевой территории российской системы управления, а также окружения казахских земель цепью хорошо оснащенных крепостей и фортпостов. Российской империи удалось расколоть казахскую наследственную элиту путем предоставления ей различных преференций, сглаживания, подкупа и пр. Одна часть казахских чингизидов стала государственными служащими российского аппарата управления, частью бюрократической системы России. Другая часть султанского сословия стала во главе противников России, которая по мере укрепления российского влияния в регионе стала терять свою былую силу и со временем сошла с политической арены. В конечном итоге Казахстан в результате колониальной экспансии стал частью имперской России.

И. Ерофеева в своих многолетних научных изысканиях о наследственной национальной элите пыталась найти глубинные ответы на историю русско-казахских отношений, проблемы развития тогдашнего казахского общества. В своих тщательно выверенных выводах, оценках происходивших событий и исторических персонажей она основывалась на найденных ею многочисленных документах из различных архивов, а также мнениях и суждениях своих коллег. Своим преданным отношением к науке, своими великолепными научными трудами Ирина Викторовна Ерофеева всегда будет образцом для подражания многим поколениям молодых ученых.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарим доктора исторических наук, профессора Ж. Абылхожина, друга и соратника И. Ерофеевой, за воспоминания и ценные советы.

Литература

Ерофеева, И.В. (2001). *Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время)*. Алматы: Аркаим.

Ерофеева, И.В. (2014). *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.* / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани».

Ерофеева, И.В. (2003). *Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв.* Алматы: ТОО «Print-S».

Ерофеева, И.В. (2007). *Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик*. Алматы: Дайк-Пресс.

Ерофеева, И. В. (2001). Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865 гг.). *История Казахстана: народы и культуры*: Учебное пособие / Масанов Н. Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс.

Ерофеева, И.В., Усманова, Э.Р. (2014). Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII–первой четверти XIX вв. *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов* / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ компании».

Масанов, Н.Э., Абылхожин, Ж.Б., Ерофеева, И.В. (2007). *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. Алматы: Дайк-Пресс.

Моисеев, В.А. Ерофеева И.В. (2020). Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. *Вестник Евразии*. 2000. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irina-erofeeva-han-abulhair-polkovodets-pravitel-i-politik> (дата обращения: 07.06.2021).

Сужиков, Б.М. (2003). От редактора. Ерофеева, И.В. *Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники)*. Алматы: Print S.

Morrison, Alexander (2021). Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020). *Central Asian Survey*. Vol. 40, No. 3, pp. 474–476.

References

Erofeeva, I. V. (2001). *Symbols of the Kazakh statehood (late middle ages and modern times)*. Almaty: Arkaim (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2014). *Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675-1821* / Vved., biogr., comment., comp. and ed. by I. V. Erofeeva. T. I. Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780. Almaty: ABDI Company (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2003). *Pedigrees of Kazakh khans and tribal group kozha of the XVIII-XIX centuries*. Almaty: Print-S LLP (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2007). *Khan Abulkhair: commander, ruler, politician*. Almaty: Dyke-Press (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2001). The evolution of the Khan's power and the inclusion of Kazakhstan into the Russian Empire (1731-1865). The history of Kazakhstan: peoples and cultures: A textbook / Masanov N. E. et al. Almaty: Dyke-Press (in Russian).

Erofeeva, I. V., Usmanova, E. R. (2014). External insignia of the ruling Kazakh elite of the XVIII-first quarter of the XIX centuries. *Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675-1821* / Vved., biogr., comment., comp. and ed. by I. V. Erofeeva. T. I. Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780 Almaty: JSC "ABDI companies" (in Russian).

Masanov, N. E., Abylkhozhin, Zh. B., Erofeeva, I. V. (2007). *Scientific knowledge and myth-making in the modern historiography of Kazakhstan*. Almaty: Dyke-Press (in Russian).

Moiseev, V. A. Erofeeva I. V. (2020). Khan Abulhair: commander, ruler and politician. *Bulletin of Eurasia*. 2000. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irina-erofeeva-han-abulhair-polkovodets-pravitel-i-politik> (date of reference: 07.06.2021) (in Russian).

Uzhikov, B. M. (2003). From the editor. *Yerofeyeva, I. V. Genealogies of Kazakh khans and leather of the XVIII-XIX centuries (history, historiography, sources)*. Almaty: Print S (in Russian).

Morrison, Alexander (2021). Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020). *Central Asian Survey*. Vol. 40, No. 3, pp. 474–476.